

Ф. Кафка и Л. Н. Толстой (по поводу «Воспоминания о дороге на Кальду»)

F. Kafka and L. N. Tolstoy (on the “Reminder of Road to Calda”)

Сергей Анатольевич Шульц
(Ростов-на-Дону, Россия)

Абстракт:

Об особом интересе Ф.Кафки к России свидетельствует, например, его неоконченная новелла «Воспоминание о дороге на Кальду». В статье топика и поэтика новеллы соотнесены с художественной проблематикой и манерой позднего Толстого. Родственность новеллы Кафки и ряда текстов Толстого («Отец Сергей», «Воскресение» и др.) — в интересе к состоянию одиночества, отшельничества, в выражении доверия к конкретному частному человеку и его месту в мире, их взаимосцепленности.

Ключевые слова:

Кафка; Л. Толстой; одиночество; аскетизм; взаимосцепленность человека и мира

Abstract:

Kafka's special interest in Russia is shown, for example, by his unfinished novel “Reminder of Road to Calda”. In the article, the topic and poetics of the novel are correlated with the *artistic* problems and the manner of late Tolstoy. The kinship of Kafka's novel and a number of Tolstoy's texts (“Father Sergius”, “Resurrection”, etc.) is in the interest in the state of loneliness, asceticism, in expressing trust in a particular individual and his place in the world, and their interconnectedness.

Key words:

Kafka; L. Tolstoy; loneliness; asceticism; the interconnectedness of man and the world

Об особом интересе Ф.Кафки к России свидетельствует, например, его неоконченная новелла «Воспоминание о дороге на Кальду». Публикатор и переводчик новеллы на русский язык в специальном сборнике, посвященном рецепции Кафки в русской культуре и рецепции России в творчестве Кафки, А. О. Филиппов-Чехов вполне закономерно (ссылаясь на словоупотребление самого писателя) назвал новеллу «[«Русским рассказом»]»¹.

Высказывалось мнение, что в новелле описаны последние дни Л. Н. Толстого². До того М. Брод связывал имена Кафки и Толстого в качестве «учителей жизни» и «моралистов»³ (саму новеллу мемуарист не рассматривал). Не разделяя в целом подхода М. Мюллера, следует соотнести топику и поэтику новеллы с художественной проблематикой и манерой Толстого^{4,5}.

Мироотношение и самосознание автора-героя кафковской новеллы — железнодорожного рабочего, одиноко живущего на отдаленной станции в глубине Сибири — не во всем совпадает с толстовским уже хотя бы в силу узкокрестьянского мессианизма графа. Кроме того, не приходится отождествлять Толстого с его героями: сам Толстой всегда «больше», сложнее собственных образов — какими бы многосмысленными те ни были⁶.

Отсутствие установки на «публичность», искомое Толстым⁷, вполне реализовалось у Кафки как личности: он совсем не заботился о судьбе своих произведений, даже завещал уничтожить часть из них после своей смерти. Автор-герой «Воспоминания о дороге...» полностью отвечает идеалу внекоммунитарности (т. е. отказа от вообще «социальности», в том числе публичности), но, конечно, не внекоммуникабельности: это разные вещи.

1 FILIPPOV-ČECHOV, A. O. (red.): *Franc Kafka v ruskoj kul'ture*. Moskva: GIBL im. Rudomino, 2012. (См. раздел ««Русские мотивы» Ф. Кафки», с. 280–307.)

2 MÜLLER, M.: *Wohin gehst du Kleines Kind im Walde? über „Erinnerungen an die Kalda bahn“*. In: ZIMMERMAN, H. D. (Hrsg.) *Nach erneuter Lektüre F. Kafkas „Der Prozess“*. Würzburg, 1992, S. 75–83.

3 BROD, M.: *Vera i učenije F. Kafki (Kafka i L. Tolstoj)*. In: BROD, M.: *O F. Kafke*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 2000, s. 405–503.

4 Согласно дневниковым записям Кафки, он приступил к работе над «Воспоминанием...» сразу после объявления первой мировой войны и в период личных жизненных неурядиц, что могло обусловить «эмоциональный» характер новеллы Кафки, например, ощущение его героем-повествователем чувства одиночества, «неприкаянности».

5 Кроме того, возможны развернутые параллели к текстам Н. Лескова, Ф. Достоевского, В. Короленко, что требует отдельного, специального исследования.

6 Это отмечено в кн.: BIBICHIN, V. V.: *Dnevnik L. Tolstogo*. Sankt-Petereburg: Izdatel'stvo Ivana Limbacha, 2012. См. об этой книге в рецензии: ŠUL'Č, S. A.: *So-filosofstvuj s L. Tolstym*. Novoje prošloje, 2016, № 3, s. 241–245.

7 М. М. Пришвин верно отметил: «Смерть Толстого вышла [...] на людях, [...] но Толстой от известности хотел убежать в какую-то неведомую избушку, в неизвестность». PRIŠVIN, M. M.: *Dnevnik*. Moskva: Pravda, 1990, s. 234–235.

Начало новеллы несколько двусмысленно: «Когда-то, много лет тому назад, я служил на узкоколейке в глубине России. Таким покинутым, как там, я никогда не был. По различным причинам, о которых здесь не стоит говорить, я тогда искал такое место; чем больше одиночество окружало меня, тем приятнее мне было, и я теперь не хочу жаловаться на это»⁸.

С одной стороны, в цитате говорится о «покинутости», но вместе с тем констатируется, что «тем приятнее» и «теперь [...] не хочу жаловаться». Дело тут прежде всего в эмоционально окрашенном переосмыслении автором-героем событий прошлого. Через большой временной интервал («много лет тому назад») былое представляется и описывается в другом свете.

Однако «представлять» и «описывать» («писать») — не одно и то же. Именно акт письма сообщает экзистенциальному событию его подлинный смысл (вообще смысл); такая оценка справедлива для роли письма у Кафки в целом.

То, что новелла включена в кафковские дневники, свидетельствует о ее сокровенности для автора, о родственности ее нарратора (автора-героя) и самого Кафки как личности. Герой Кафки не поименован, чем усилена его загадочность, но и его «универсальность» — вновь вместе с возможной автоаллюзией на личность самого писателя.

Уже в начале новеллы мелькают типично кафковские абсурдистские нотки: «[...] весь проект был ошибочным: край нуждался в шоссейных, а не в железных дорогах; в том же состоянии, в каком дорога сейчас находилась, она вообще была ни к чему»⁹. Хотя далее автор-герой свидетельствует о надеждах строителей узкоколейки «раздобыть средства для продолжения строительства», тут же он констатирует: «на мой взгляд, надежда эта была не столько надеждой, сколько отчаянием и ленью»¹⁰. И далее: «[...] вообще же ждали краха всего предприятия»¹¹. Инспектор, посещающий рабочего раз в месяц, постоянно пугает: «Мы должны будем закрыть дорогу»¹².

Парадоксальное соединение Кафкой категорий «отчаяния» и «лени» способно напомнить о гончаровском Обломове, но и о религиозном философе С. Кьеркегоре, назвавшем отчаяние путем к вере¹³.

8 КАФКА, F.: *Iz dnevnikov*. In: КАФКА, F.: *Amerika. Process. Iz dnevnikov*. Moskva: Politizdat, 1991, s. 524.

9 Там же, с. 524.

10 Там же, с. 524.

11 Там же, с. 524.

12 Там же, с. 526.

13 Близость подходов Кьеркегора и Кафки многократно отмечалась. Например: GESSE, G.: *F. Kafka*. <http://www.hesse.ru/books/articles/?ar=19>. [online]. [cit. 1. 3. 2018].; KAMJU, A.: *Nadežda*

Автор-герой новеллы отвергает и лень, и отчаяние, приходя в целом к приятию существующего положения вещей: «Впрочем, я заметил, что не очень способен выносить полнейшее одиночество, хотя должен сказать, что одиночество, которое я возложил на себя, уже через короткое время начало развеивать мои прежние заботы»¹⁴. Мысль построена крайне непрямым путем, но в итоге приводит к явственному выражению согласия с миром.

Часты в новелле образы крестьян, в общении с которыми автор-герой находит определенное утешение: «Я охотнее лежал закутанный в старое теплое пальто и укрытый овчинами, которые постепенно скупал у крестьян. «Ты часто болеешь, — говорили они мне. — Хворый человек. Тебе отсюда не выбраться». Они говорили так совсем не для того, чтобы огорчить меня, просто они старались по возможности напрямик говорить правду»¹⁵.

Кафковское описание напоминает отношение к толстовскому Ивану Ильичу лакея Герасима, прислуживавшего ему во время его смертной болезни: «Один Герасим не лгал, по всему видно было, что он один понимал, в чем дело, и не считал нужным скрывать этого, и просто жалел исчахшего слабого барина. Он даже раз прямо сказал, когда Иван Ильич отсылал его:

— Все умирать будем. Отчего же не потрудиться?»¹⁶.

Вместе с тем у Кафки фраза о желании крестьян «напрямик по возможности говорить правду» неожиданно заканчивается констатацией: «И при этом странно тарацились»¹⁷ — момент, невозможный у Толстого, поскольку он содержит некое (вполне «абсурдистское») снижение или, вероятнее, остранение.

Налицо близость новеллы идеал-реалистской¹⁸ художественной антропологии, выстраиваемой поздним Толстым. Речь идет прежде всего об «Отце Сергии», «Божеском и человеческом» (образ раскольника), «Воскресении» (образ Нехлюдова) — во всех случаях акцент ставится на личности, отказывающейся от всяких видов публичности, о «неканоническом» анахорете — даже если тот в гуще людей, подобно раскольнику в заключении («Божеское и человеческое»).

i absurd v tvorčestve F. Kafki. <http://www.kafka.ru/kritika/read/nadezhda-i-absurd/2>. [online]. [cit. 1. 3. 2018].

14 KAFKA, F.: *Iz dnevnikov*. In: KAFKA, F.: *Amerika. Process. Iz dnevnikov*. Moskva: Politizdat, 1991, s. 525.

15 Там же, с. 526.

16 TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij v 90 tt*. Moskva: GICHL, 1936. T. 26, s. 98.

17 KAFKA, F.: *Iz dnevnikov*. In: KAFKA, F.: *Amerika. Process. Iz dnevnikov*. Moskva: Politizdat, 1991, s. 526.

18 Философский термин, утверждающий, условно говоря, равноправие «духовного» и «вещественного».

Отсюда, трудно принять мнение Н. А. Бердяева об учении Толстого как «возвышенно-моралистическом и аскетическом материализме, какой-то спиритуалистической животности»¹⁹.

Лесков, одно время находившийся под воздействием толстовских принципов, создавал сходные образы неканонических «праведников», но почти все они жили в миру (Несмертельный Голован, скоморох Памфалон и др.)²⁰ Тем интереснее образы Толстого и Кафки, сближающиеся друг с другом благодаря своему «эскапизму».

В отличие от Касатского («Отец Сергей»), для героя Кафки нет проблемы потакания молве или страха перед молвой. «Чем меньше имело значения мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог», — итоговый вывод Касатского²¹, подготовленный, однако, внутренним борением: «Но не соблазн ли то, что я хочу уйти от радостей мира и что-то готовлю там, где ничего нет, может быть. — Сказал он себе и ужаснулся, омерзился на самого себя. — Гадина! Гадина! Хочешь быть святым», — начал он бранить себя»²². «Святым» — в глазах других и в глазах самого себя, но как «одержимого другими» (М. М. Бахтин).

После обретения «славы» среди мирян Сергей почувствовал, что «его внутренняя жизнь заменялась внешней. Точно его выворачивали наружу»²³ — тут развитие мотива «одержимости другими».

Чтобы избавиться от зависимости от стороннего мнения, Касатский в самом финале (повесть не вполне закончена Толстым) оказывается на заимке у богатого сибирского мужика, в роли батрака, учителя хозяйских детей и присматривающего за больными²⁴.

В новелле Кафки автор-герой — вне констатированной Гегелем ситуации «отчуждения» (вне «отталкивания» от самого себя, от мира, изображение чего часто приписывают Кафке). Полностью совпадают мысли, ощущения и действия автора-героя. (Что, безусловно, не означает отсутствия в них в их совпадении парадоксальности или протипотиворчивости). Это в чем-то близко феноменологическому повороту в философии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.) с его приданием сознанию универсализирующих черт «полного» человека, не разбитого на «куски» мышления, «куски» переживания и иные «куски».

19 BERDJAJEV, N. A.: *Vetchij i Novyj zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo*. In: BERDJAJEV, N. A.: *Filosofija tvorčestva, kul'tury i iskusstva*. V 2-ch tomach. T. 2. Moskva: Iskusstvo, 1994, s. 464.

20 STOLJAROVA, I. V.: *V poiskach ideala. (Tvorčestvo Leskova)*. Leningrad: LGU, 1978.

21 TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij v 90 tt*. Moskva: GICHL, 1954. T. 31, s. 46.

22 Там же, с. 19.

23 Там же, с. 28.

24 Подробнее см.: ŠUL'Č, S. A.: *Tradiciji Didro i gotičeskogo romana v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij»*. Russkaja literatura, 2013, № 1, s. 111–130.

Хотя новелла не окончена Кафкой, ее идея дана ясно: утверждение тождества духовного и физического, сверхчувственного и «материального». По наблюдению В. Б. Ремизова, Толстой в «Воскресении» «уловил» «сложную взаимосвязь духовного и телесного»²⁵, что затем на основе иной фактуры и по-своему изобразил в своей новелле Кафка.

Ю. М. Лотманом отмечалась специфическая роль образа Сибири в сюжетосложении русской литературы²⁶. Кафка словно следует здесь за Толстым (сибирский финал пути Касатского; сибирская каторга в «Воскресении»)²⁷.

Для Кафки Сибирь — и внешняя экзотика, и символ огромной отдаленности в пространстве, и эмблема бескрайних, холодных пространств вообще, и метафора русской темы (с внешнего уровня экзотика переходит на внутренний²⁸).

На первый взгляд, автором-героем Кафки движет идея «опрощения» в русле принципов позднего Толстого. Но чтобы опроститься, надо для начала иметь статус повыше, который и вызовет желание «спуска». Нам ничего неизвестно о прошлом кафковского героя и о его будущем, но из текста представляется, что место в глубине Сибири идеально подходит ему. В итоге создается впечатление, что это место существует даже не в географической точке, а почти исключительно в сознании автора-героя. В этом — «идеаторность» хронотопа новеллы.

Мифологическая (мифопоэтическая) идеализация фигуры рабочего — в русле литературы и философии рубежа XIX–XX вв. (Э. Золя, Э. Верхарн, А. Блок, Э. Юнгер и др.) Кафка расставляет сугубо свои акценты на ставшем распространенным образе: акценты отнесенности к бытию сознания.

Неоконченность новеллы воспринимается читателем в качестве закономерной, не вполне замечаемой, даже «необходимой». Неоконченность органична для этого текста (и во многом для всего творчества Кафки), свидетельствуя об «открытости» финала, в том числе в значении перерастания героем рамок художественного произведения, случаи чего отмечены М. М. Бахтиным²⁹. «Пере-

25 REMIZOV, V. B.: *Roman L. N. Tolstogo «Voskresenije»: koncepcija žizni i formy jeje voploščeniya*. Voronež: VGU, 1986, s. 48.

26 LOTMAN, Ju. M.: *Sžužetnoje prostranstvo russkogo romana XIX stoletija*. In: LOTMAN, Ju. M.: *V škole poëtičeskogo slova: Puškin. Lermontov. Gogol'*. Moskva: Prosveščeniye, 1988, s. 325–349.

27 Но и за Достоевским (Сибирь в «Записках из Мертвого дома», «Братьях Карамазовых»). «Сибирский закат» упоминает герой фильма П. П. Пазолини «Свинарник» в качестве вдохновляющего образа (видимо, в развитие названных выше «сибирских» аллюзий).

28 Бахтин справедливо отмечал большую ценность именно внутренней экзотики.

29 BACHTIN, M. M.: *Problema sentimentalizma*. In: BACHTIN, M. M.: *Sobranije sočinenij v 7 t.* Moskva: Russkije slovari, 1996. T. 5, s. 304–305. Сентименталистские обертоны у Кафки и Толстого заслуживают отдельного разговора, см.: ŠUL'Č, S. A.: *Literaturnyje i kinematografičeskije preteksty «Kaliny krasnoj» V. Šukšina (L. N. Tolstoj, P. P. Pazolini i dr.)*. In: KRAŠENINNIKOVA, Ju. A. (red.):

растание» подразумевает тут модернистское движение жизни в горизонт искусства (не наоборот: не искусства в горизонт жизни). Толстой, безусловно, предвосхитил модернистскую установку в целом³⁰.

Факт «неоконченности» вместе с принципами сюжетосложения произведения вызывают в памяти тип «вершинной композиции» многих романтических текстов, описанный В. М. Жирмунским³¹. Тип заключается в намеренном пропуске ряда событий из общей их цепи ради создания эффекта некоей загадки, тайны и, вместе с тем, ради сотворчества читателя.

«Тайна» новеллы Кафки базируется на специфически лаконичном («вершинном», в терминологии В. М. Жирмунского) сюжетно-мотивном построении.

Ахматова писала:

Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну³².

Кафковский рабочий «сговорился», и место открыло ему свою «тайну». Тайна места оказывается и внутренней тайной самого рабочего, его личного хронотопа.

Таинственная «простота» самосознания автора-героя новеллы предшествует последующему культу «простоты» у Хайдеггера: «Простота несложного сберегает внутри себя в ее истине загадку всего великого и непреходящего. Незванная, простота вдруг входит в людей и, однако, нуждается в том, что вызревать и цвести долго. В неприметности постоянно одного и того же простота таит свое благословение»³³.

Тяжелая и могущая показаться безотрадной работа на глухой сибирской станции становится для автора-героя новеллы способом полной самореализации. В новелле — значительные элементы притчи (столь сильные в двух последних романах Кафки, в ряде других его новелл — «Голодарь», «Певвица Жозефина, или Мышиный народ», вообще в его текстах).

Л. Кузина и К. Тюнькин, вслед за Роменом Ролланом, почему-то назвавшего Нехлюдова «средним человеком»³⁴, отказываются видеть в обидчике/

Filologičeskije issledovanija — 2017. Fol'klor, literatury i jazyki narodov Jevropejskoj časti Rossii: formy, modeli, mehanizmy vzaimodejstvija. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj naučnoj konferencii. Syktyvkar, 2017, s. 211–215.

30 NABOKOV, V. V.: *Anna Karenina*. In: NABOKOV, V. V.: Lekcii po russkoj literature. Moskva: Nezavisimaja gazeta, 1996, s. 221–306. См. также: ŠUL'C, S. A.: «*Anna Karenina*» L. N. Tolstogo i «*Gospoža Bovari*» G. Flobera. Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka, 2016. T. 75, No 2, s. 21–25.

31 ŽIRMUNSKIJ, V. M.: *Bajron i Puškin. Puškin i zapadnyje literatury*. Leningrad: Nauka, 1978.

32 АХМАТОВА, А. А.: *Sočinenija v 2 tt*. Moskva: Pravda. 1990. T. 1, s. 260.

33 ЧАЙДЕГГЕР, М.: *Proselok*. In: ЧАЙДЕГГЕР, М.: *Raboty i razmyšlenija raznych let*. Moskva: Gnozis, 1993, s. 239.

34 ROLAN, R.: *Sobranije sočinenij v 14 tt*. Moskva: GICHL, 1954. T. 2, s. 321, 323–324.

/заступнике Масловой «героя»³⁵. Сомнительно, что Нехлюдов — «средний человек» и не «герой». В своем самоумалении Нехлюдов расширяет границы собственной личности, границы горизонта своего сознания. То же верно для героя новеллы Кафки, чье сознание на узкокалейке (и затем, в процессе переосмысления им событий) расширяется до всеприятия всего в себе и вокруг.

Поэтому неслучайны в тексте новеллы аллюзии на распятие Христа, хотя они поданы парадоксально, через описание автором-героем убитого животного: «В первое время, когда еще все вызывало мое любопытство, я однажды наколол такую крысу и повесил ее перед собой на стене на уровне глаз. Маленьких зверей можно хорошо рассмотреть лишь тогда, когда держишь их перед собой на уровне глаз; если наклоняться к ним к земле и рассматривать их в таком положении, получаешь о них неверное, неполное представление. Самое поразительное в этих крысах — когти, большие, вогнутые и все же на концах заостренные; они очень хорошо приспособлены для рытья. При последней судороге висевшая передо мною на стене крыса, в явном несоответствии со своим характером при жизни, *распрямила когти, и они стали похожи на ручонку, протянутую кому-то навстречу*»³⁶

Здесь нет никакого кощунства, поскольку отношение автора-героя к описанному животному достаточно сочувственно, это отношение приязни ко всему живому. Кроме того, в свете историальной интерпретации мифа и Откровения Ф. В. Й. Шеллингом, евангельское жертвоприношение Христа заменяло жертвоприношение животного.

С связи с мотивом «протянутой» как бы «ручонки» ср. позднейшие строки Б. Л. Пастернака о распятии Христа:

Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста³⁷.

Сторонник юнгианской аналитической психологии Д. Шарп замечает по поводу фигуры «незримого ворона», возникающего в дневниковой записи Кафки за 1921 г., что образ «свидетельствует о том, что хтоническая тень (часть психики человека, коренящаяся в земном и черпающая оттуда снизу новые силы), которая должна возвращать его на землю, парит над землей»³⁸. Такую трактовку можно понять в том значении, что Кафка, не держась лишь за

35 KUZINA, L., TJUN'KIN, K.: «Voskresenije» L. N. Tolstogo. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1978, s. 22, 30.

36 KAFKA, F.: *Iz dnevnikov*. In: KAFKA, F.: Amerika. Process. Iz dnevnikov. Moskva: Politizdat, 1991, s. 529–530; выделено нами — С. III.

37 PASTERNAK, B.: *Stichotvorenija i poemy*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1988, s. 435.

38 ŠARP, D.: *Nezrimyj voron. Konflikt i transformacija v žizni F. Kafki*. Moskva: Dobrosvet; ID «Gorodec», 2016, s. 46.

«земное», стремится ввысь. А автор-герой его новеллы уравнивает образы «земного» и «небесного».

Может быть, железная дорога заменяет рабочему идеи коммунитарности — в пику негативности образа железной дороги у Толстого («Анна Каренина»).

От новеллы веет ощущением необыкновенного покоя, внутреннего (автор-герой) и внешнего (обрамляющий хронотоп). Автор-герой — в некоей идиллии, в значении «полунаивности» — «полусентиментальности», если использовать терминологию Ф. Шиллера³⁹ (т. е. и в значении «исконности» — «изначальности» идиллии в ее архаических проявлениях, и в значении тоски по ней, когда она мыслится как утраченная, но подлежащая обретению цель).

По точному замечанию Д. Слоуна, для позднего Толстого «откровение беспредельного разума в любом — пусть даже простом — человеке ведет к религиозному восприятию мира и к внутреннему покою души»⁴⁰. В случае кафковской новеллы действует не столько «разум», сколько более многосоставные силы личности.

Покой автора-героя — главное в его состоянии, настрое (экзистенции). Это покой согласия с самим собой и с миром. Хотя ощущение — осознание покоя обретается скорее *postfactum*, на определенной дистанции по отношению к тому, что совершалось в авторе-герое ранее, — в развернутой констатации достижения такого состояния заметна поразительная (и редкая) для художественного творчества Кафки «позитивность», выражение доверия к конкретному частному человеку и его месту в мире, их взаимосцепленности.

Литература:

ACHMATOVA, A. A.: *Sočinenija v 2 tt.* Moskva: Pravda. 1990. T. 1, s. 260.

BACHTIN, M. M.: *Problema sentimentalizma.* In: BACHTIN, M. M.: *Sobranije sočinenij v 7 t.* Moskva: Russkije slovari, 1996. T. 5, s. 304–305. ISBN 5-89216-011-4.

BERDJAJEV, N. A.: *Vetchij i Novyj zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo.* In: BERDJAJEV, N. A.: *Filosofija tvorčestva, kul'tury i iskusstva. V 2-ch tt.* T. 2. Moskva: Iskusstvo, 1994, s. 464. ISBN 5-210-02320-6.

BIBICHIN, V. V.: *Dnevniki L. Tolstogo.* Sankt-Petereburg: Izdatel'stvo Ivana Limbacha, 2012. ISBN 978-5-89059-184-5.

39 ŠILLER, F.: *O naivnoj i sentimental'noj poëzii.* In: ŠILLER, F.: *Sobranije sočinenij v 7 tt.* Moskva: GICHL, 1957. T. 6.

40 SLOUN, D.: *Otkrytije Kanta Tolstym.* In: TOLSTOJ, V. I., ALEKSEJEVA, G. V. (red.): *L. Tolstoj i mirovaja kul'tura. Materialy Mežd. Naučnoj konferencii.* Tula: «Jasnaja Poljana», 2007, s. 301.

- BROD, M.: *Vera i učenje F. Kafki (Kafka i L. Tolstoj)*. In: BROD, M.: O F. Kafke. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 2000, s. 405–503. ISBN 5-7331-0163-6.
- FILIPPOV-ČECHOV, A. O.: *Franc Kafka v ruskoj kul'ture*. Moskva: GIBL im. Rudomino, 2012, s. 280–307. ISBN 978-5-905626-22-7.
- GESSE, G.: *F. Kafka*. <http://www.hesse.ru/books/articles/?ar=19>. [online]. [cit. 1. 3. 2018].
- CHAJDEGGER, M.: *Proselok*. In: CHAJDEGGER, M.: Raboty i razmyšlenija raznych let. Moskva: Gnozis, 1993, s. 239. ISBN 5-7333-0485-5.
- KAMJU, A.: *Nadežda i absurd v tvorčestve F. Kafki*. <http://www.kafka.ru/kritika/read/nadezhda-i-absurd/2>. [online]. [cit. 1. 3. 2018].
- KAFKA, F.: *Iz dnevnikov*. In: KAFKA, F.: Amerika. Process. Iz dnevnikov. Moskva: Politizdat, 1991, s. 524. ISBN 5-250-01696-0.
- KUZINA, L., TJUN'KIN, K.: «Voskresenije» L. N. Tolstogo. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1978, s. 22, 30.
- LOTMAN, Ju. M.: *Sžužetnoje prostranstvo russkogo romana XIX stoletija*. In: LOTMAN, Ju. M.: V škole poėtičeskogo slova: Puškin. Lermontov. Gogol'. Moskva: Prosveščeniye, 1988, s. 325–349. ISBN 5-09-00044-3.
- MÜLLER, M.: *Wohin gehst du Kleines Kind im Walde? über „Erinnerungen an die Kalda bahn“*. In: ZIMMERMAN, H. D. (Hrsg.): Nach erneuter Lektüre F. Kafkas „Der Prozess“. Würzburg, 1992, S. 75–83.
- NABOKOV, V. V.: *Anna Karenina*. In: NABOKOV, V. V.: Lekcii po ruskoj literature. Moskva: Nezavisimaja gazeta, 1996, s. 221–306. ISBN 5-86712-025-2.
- PASTERNAK, B.: *Stichotvorenija i poemy*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1988, s. 435. ISBN 5-280-00048-5.
- PRIŠVIN, M. M.: *Dnevniki*. Moskva: Pravda, 1990, s. 234–235. ISBN 5-253-00121-2.
- REMIZOV, V. B.: *Roman L. N. Tolstogo «Voskresenije»: koncepcija žizni i formy jeje voploščeniya*. Voronež: VGU, 1986.
- ROLAN, R.: *Sobranije sočinenij v 14 tt*. Moskva: GICHL, 1954. T. 2, s. 321, 323–324.
- SLOUN, D.: *Otkrytije Kanta Tolstym*. In: TOLSTOJ, V. I., ALEKSEJEVA, G. V. (red.): L. Tolstoj i mirovaja kul'tura. Materialy Mežd. Naučnoj konferencii. Tula: «Jasnaja Poljana», 2007, s. 301.
- STOLJAROVA, I. V.: *V poiskach ideala. (Tvorčestvo Leskova)*. Leningrad: LGU, 1978.
- TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij v 90 tt*. Moskva: GICHL, 1936. T. 26.
- TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij v 90 tt*. Moskva: GICHL, 1954. T. 31.
- ŠARP, D.: *Nezrimyj voron. Konflikt i transformacija v žizni F. Kafki*. Moskva: Dobrosvet; ID «Gorodec», 2016, s. 46.
- ŠILLER, F.: *O naivnoj i sentimental'noj poezii*. In: ŠILLER, F.: Sobranije sočinenij v 7 tt. Moskva: GICHL, 1957. T. 6.

ŠUL'Č, S. A.: «*Anna Karenina*» L. N. Tolstogo i «*Gospoža Bovari*» G. Flobera. Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka, 2016. T. 75, № 2, s. 21–25. ISSN 0321-1711.

ŠUL'Č, S. A.: *Literaturnyje i kinematografičeskije preteksty «Kaliny krasnoj» V. Šukšina (L. N. Tolstoj, P. P. Pazolini i dr.)*. In: KRAŠENINNIKOVA, Ju. A. (red.): Filologičeskije issledovanija — 2017. Fol'klor, literatury i jazyki narodov Jevropejskoj časti Rossii: formy, modeli, mehanizmy vzaimodejstvija. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj naučnoj konferencii. Syktyvkar, 2017, s. 211–215. ISBN 978-5-906394-40-8.

ŠUL'Č, S. A.: *So-filosofstvujaja s L. Tolstym*. Novoje prošloje, 2016, № 3, s. 241–245. ISSN 2500-3224.

ŠUL'Č, S. A.: *Tradicii Didro i gotičeskogo romana v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij»*. Russkaja literatura, 2013, № 1, s. 111–130. ISSN 0131-6095.

ŽIRMUNSKIJ, V. M.: *Bajron i Puškin. Puškin i zapadnyje literatury*. Leningrad: Nauka, 1978.

Об авторе

Sergey Anatolyevich Shulcs,

Rostov-on-Don, Russian Federation, shulcz-70@mail.ru

